

(Ю.Ф. Книжников, 1999). Поэтому зрительный образ, наряду с картой и снимком, тоже является информативной моделью действительности. Такие образы или картины могут формироваться не только в результате непосредственного восприятия объектов. Они создаются и еще в учебном процессе с помощью индуктивного и дедуктивного анализа текстовой, графической, картографической и иной информации.

Различные виды карт служат надежной основой для выявления географических образов объектов и явлений. По изображениям на картах они отличаются рисунком, геометрией, композицией и иными признаками. А конструкция изображений может быть простой и сложной, явной и скрытой. При этом наиболее информативным элементом образа служит конфигурация его изображения (А.М. Берлянт, 1985).

Так, если на карте цветом или штриховыми знаками объекты показаны в виде полос, вытянутых в двух направлениях, это служит выражением зональности объектов. В тех же случаях, когда объекты или явления изображены на карте в виде ареалов или контуров различной геометрической формы и размера, они отражают уже незональные картины.

Незональные географические образы отличаются не только разнообразием геометрических форм. Они могут быть кучно - групповыми, разреженно - групповыми и разобщенными. Их же приуроченность к конкретным участкам связана или со спецификой геологии и рельефа, или обусловлена действием техногенных и иных факторов. Информативна и конфигурация границ между зональными категориями природных комплексов. Прямолинейное или близкое к нему простираение границ свидетельствует об относительно молодом возрасте природных комплексов. И, наоборот, извилистое простираение границ отражает уже стадии более зрелых состояний природных комплексов.

Анализ рисунка изолиний на картах также позволяет обнаруживать явные и скрытые географические образы. Это картины теплового поля, атмосферного увлажнения, тектонических явлений и других. Например, рассматривая карту изотерм Европейской территории России, легко увидеть, что январский образ изолиний "соткан" из субмеридиональных изотерм. Июльский же образ теплового поля составляют изолинии субширотного простираения. Обратившись к значениям оцифровки изотерм, находим западный градиент температур. Это как раз и свидетельствует о том, что зимой ведущим фактором климата служат адвекции тепла воздушными массами Атлантики. Зато главным фактором климата летнего сезона оказывается солнечная радиация.

Применение метода наложения позволяет раскрывать причинно-следственные связи между географическими объектами и явлениями. Например, сопоставлением заданных участков рельефа с такowymi на геологической карте обнаруживаются связи между образами напластований горных пород и образами форм рельефа. Зависимость размещения типов почв от типов растительности тоже может раскрываться сопоставлением одних и тех же ареалов на картах. В случае привлечения дополнительных сведений возможно углубление сравнительного анализа и опреде-

ление как свойств изучаемых объектов, так и сущности явлений.

Итак, выявление географических образов и выразительное их описание неперенные звенья учебного процесса по физической географии в вузе. Это надежный подход как для реализации образовательно-познавательных целей, так и для формирования умений и навыков, необходимых будущим специалистам.

ПРОЕКТИВНЫЕ ОБРАЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: РУССКОСТЬ КАК ТРАНСОВОЕ (СНОВИДЧЕСКОЕ) СОСТОЯНИЕ

Медведев В.А.

Заполярный филиал Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, Норильск

Психоаналитическое исследование глубинных первоисточков русской души имеет определенную традицию. Телесность анализ «русскости» у нас уже имеется и природа вытекающих из ее телесной инфантильной организации характерологических черт нам более или менее ясна; доктор Фрейд безжалостно разъял «русскость» в своей книге «Из истории одного детского невроза» (1918) и публично продемонстрировал все ее довольно-таки неприглядные «потроха». Тем, кто не заметил (или не захотел заметить) этих выводов основоположника психоанализа, вкратце напомним о выявленных им в ходе анализа пациента из России базовых особенностях «русскости».

Итак, «русскость» по Фрейду это:

- латентная женственность, господствующая в структуре псевдомужской идентичности;
- деятельно реализуемая идея о собственной исключительности, самобытности и несравнимости, представление себя как «венца творения», в качестве эталонного образца для всех и для каждого;
- жертвенность и мазохистичность, навязанные изначально в качестве культурно предписанных вариантов искупления «первородного греха» непреодолимой зависимости от матери;
- ложный, или, скорее, искусственный отцовский комплекс;
- манифестируемый анальный тип компенсаторных реакций, причем реализуемых не в косвенном, характерологическом, а в прямом, не сублимированном виде;
- эротичность как психическая ориентация, понимаемая в платоновском ее смысле как неодолимая тяга к людям, в массу себе подобных, как роевой тип психики¹.

К перечисленным особенностям «русскости» позднее («Достоевский и отцеубийство», 1928) Фрейд добавил манифестную амбивалентность (двойственную чувств и реакций) как признак архаичности, предельно выраженной регрессивности русской души. При этом, впрочем как обычно, основоположник психоанализа несколько злоупотребил генитальными

¹ См. Медведев В. Русскость на кушетке. Опыт прикладной супервизии случая Человека-Волка. //Russian Imago 2002. Исследования по психоанализу культуры. СПб: Алетейя, 2001. С. 106-139.

метафорами и попытался объяснить специфичность «русскости» (эталонным носителем которой в данном случае для него был Ф.М.Достоевский) игровой природой данного типа психики, производной от навязчивой мастурбационной активности.

Можно оспаривать подобного рода выводы классика, можно соглашаться с ними. На самом деле все это не столь важно. Выводы подобного рода как раз и порождаются фантазийной мастурбационной активностью нашего разума, которая по определению бесплодна. В сфере таких вот рассуждений сила классического психоанализа неизбежно оборачивается его главной методологической слабостью: анализировать можно лишь нечто мертвое – мертвый миф, мертвый символ, мертвое желание, оставившее свой след в симптоме, мертвую мысль, опредмеченную в речи или тексте, мертвую коммуникацию, зафиксированную в сессионном протоколе, и пр. Живое не подлежит анализу, ибо у него нет частей. Живое всегда целостно и потому требует не анализа, а понимания и сопереживания.

А для этого необходима форма, наглядно представимый образ, в рамках которого живое можно было бы понять и прочувствовать, не убивая его внешними классификациями и не насилуя внешней операциональной логикой.

Для работы с подобного рода глубинными основаниями отечественной ментальности нами был предложен, как нам показалось, весьма перспективный образ *Падчерицы* для оформления *аффективной подоплеку* русской психистории как первоисточка обозначенного выше симптома комплекса «русскости»².

Выявление и представление базового аффекта важно в психоанализе культурного сообщества, но гораздо более важной целью последнего выступает понимание основанной на аффекте obsessions, т.е. той совокупности навязчивых поведенческих реакций и ритуалов индивидов, групп и масс, которую в нашем случае мы и называем «русскостью». Вне подобного поведенческого подхода сама «русскость» становится неким фантомом, всего лишь прилагательным без существительного, т.е. без основания для реального объектного существования.

Понять и прочувствовать ритуализированную «русскость» можно только наглядно представив ее совокупное опредмечивание (отыгрывание) в конкретной деятельности людей. Последнее слово чрезвычайно важно в данном контексте – именно людей.

Ведь «русскость» вместе с подобными ей духовными конструктами – «мудростью», «справедливостью», «благом», «красотой» и пр. – переносит нас в мир вечных платоновских идей, управляющих нами и созидających нас по своему образу и подобию. Прилагательное без существительного, при помощи которого мы себя культурально идентифицируем, фактически означает, что мы еще не сотворены, нас, русских, еще нет в реальности, мы еще дозреваем в некоем поле смыслов и чувств, лишь готовясь воплотиться в

нечто конкретное, существенное и существующее (существительное). Мы вписаны в волю (логику) некоего творящего нас процесса. Соответственно, мы просто не в состоянии увидеть и оценить этот процесс со стороны (как вынашиваемый плод не может увидеть свою беременную мать взглядом стороннего наблюдателя). Нам нужен проективный образ, вглядываясь в который мы могли бы понять себя, т.е. актуализировать и рационально воспроизвести заложенную в нас наследуемую схему развития.

Так давайте же попробуем вспомнить себя. Вспомнить и обрести искомую идентичность. Из русского чего-то, сделаться просто кем-то. Прекратить прилагаться к чему угодно и начать существовать.

Что для этого нужно? Только одно – адекватный образ, аналог, матричная форма, в которую может воплотиться, в которой может быть воспринят, понят и прочувствован носитель «русскости», в которой он может быть вписан в реальность и объектно зафиксирован в ней.

Может ли стать таковой матрицей предложенный некогда Фрейдом (а точнее – постфрейдистскими интерпретаторами его книг) образ агрессивного хищника, людоеда, *Человека-Волка*? Нет, ни в коей мере! Даже изначальный аналог для подобного рода метафоры, т.е. проанализированный основоположником психоанализа наш соотечественник – Сергей Константинович Панкеев, как яркий носитель «русскости» (кстати говоря – еврей по национальности, ведь культуральная идентичность к национальной принадлежности имеет весьма опосредованное), никак не вписывается в рамки данного архетипического образа. Какой же он Волк? Он всего лишь видит волков во сне; и не только в детском сне, который он постоянно припоминает. Фактически он спит постоянно, его психика нарциссична, т.е. почти абсолютно замкнута, представлена как бесплотное отражение отражений (как в зеркальной комнате), где реальные предметы и события теряются, переплетаясь с мириадами фантомов.

И Фрейд как профессиональный сновидец не только легко замечает это; он осторожно и медленно пытается разбудить своего клиента, постепенно подготавливая его к встрече с реальностью. Пытается разбудить, но, к счастью для «русскости» Панкеева, не преуспевает в этой попытке. Панкеев, судя по его мемуарам, так и проспал всю свою жизнь, чередуя занимательные сны о мудром старце Фрейде (который на самом деле ума не мог приложить, что ему делать с этим странным пациентом) с романтическими грезами о жене-испанке (на самом деле – испуганной еврейской женщине, покончившей жизнь самоубийством в 1938 году, предпочитая умереть, но не разрушить грезы любимого мужа вынужденной эмиграцией) и травматическими снами, где действительно кишели волчи проеции в диапазоне от того же Фрейда до офицеров советской армии, оккупировавшей Вену в 1945 году.

Он просто спал и видел сны. И он был не уникален – точно так же спала и видела сны та людская масса, которая дала ему жизнь и от которой он, по воле случая, отделился территориально, но не духовно. И это были все те же сны: о мудром кремлевском

² См. Медведев В. Отречение от Решета. Архетип сиротства в русской сказке и российской судьбе. //Медведев В. Сны о России. Психоанализ российской действительности и русской судьбы. Т.2. Огонь, вода и бедные трупы. СПб: ЛГУ им. А.С.Пушкина, 2004. С.126-170.

старце, единственно не спящем в покрытой тьмой стране, о романтической и жертвенной любви к несчастной Испании, о страшном Волке-людоеде, покусившемся на нашу Родину-Мать. Поле русских снов едино. Именно оттуда, из наших снов, мы и выносим свою «русскость» в окружающий нас мир, удивляя его алогичностью, а порою и бредовостью наших деяний, желаний и мечт.

Волчья метафора явно неадекватна подобному типу психической организации – замкнутому на себя сновидцу-нарциссу, живущему в поле своих сновидений, даже в видимом бодрствовании прибывающему в трансом подключении к иллюзорным, виртуальным формам опыта.

Здесь скорее уместен образ *Медведя*, сосущего свою лапу в берлоге и сладко посапывающего во сне.

Образ этот настолько адекватен нашей идентичности, как бытовой, так и социально-политической, что на уровне элементарного его представления мы уже замечаем – что-то тут не так. Наш Медведь не спит, он бродит по ледяной равнине и мучительно зевает, пытаясь снова уснуть. Это не добрый Мишка, это – медведь-шатун, разбуженный и опасный, изгнанный из разрушенной берлоги, потерявший нить своего сна и смысл своей сновидческой жизни. Он ищет пути к привычному трансу и не может их отыскать. Он утерял ритуал засыпания, забыл позы сна и давно не слышал колыбельных песен.

Каждый, кто способен увидеть в этом образе себя и свой народ, понимает, что наша общая судьбоносная задача заключается в том, чтобы вновь усыпить этого Медведя, убаюкать его, т.е. восстановить во всей былой красе его страхи, иллюзии и проективные фантазии. За пару десятилетий своих шатаний наш Медведь поднакопил солидный «дневной остаток» (т.е. потенциал нереализованных желаний), которого ему хватит на многие десятилетия сна.

И главной задачей отечественной прикладной психологии (и прежде всего – прикладного психоанализа) сегодня является использование эффекта от уникальной экономической ситуации, сложившейся в последние годы и результировавшейся в политику т.н. «национальных проектов», для реставрации и консервации традиционных форм массовой психики наших соотечественников.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНО-РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОПТИМИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Медведева И.М.

*Заполярный филиал Ленинградского
государственного университета имени А.С.Пушкина,
Норильск*

Выработка стратегий реформирования отечественной системы образования, корректировки его методологической составляющей и поиска эффективных образовательных технологий становится сегодня одной из задач, от успешного решения которых зависит само будущее нашей страны. Образование сегодня должно рассматриваться как стратегически важная

сфера общественной жизни, как главный фактор развития интеллектуального потенциала нации, ее самостоятельности и международной конкурентоспособности. По отношению же к личности образование есть фундаментальное условие осуществления ее гражданских, политических, экономических и культурных прав.

Потребность в целенаправленном и научно-обоснованном реформировании образовательных систем актуализируется в условиях децентрализации государственного управления и возрастающей роли регионов во всех сферах экономической, политической и культурной жизни. Традиционные образовательные модели сегодня не ориентированы на решение проблем адаптации и социализации личности, предотвращения роста социальной и этнической напряженности, они не дают молодому человеку необходимую мировоззренческую платформу для продуктивного взаимодействия с представителями других ценностных ориентаций, этнокультурных традиций, стилей и образов жизни.

В теоретико-методологическом формате основной причиной современного кризиса образовательных институтов является практически полное пренебрежение в содержании, методах и формах обучения и воспитания факторами историко-культурной региональной специфики. Утрата культурной идентичности образовательной деятельности: во-первых, разрушает этическую базу воспитательного процесса, снижает качество усвоения знаний; во-вторых, стимулирует разрушительные процессы и тенденции в духовном мире личности, способствуя росту социально отклоняющегося поведения (злоупотребление психоактивными веществами и наркотиками, алкоголизм, различные формы асоциального поведения)³.

В культурологической плоскости причины кризиса образовательной деятельности можно усматривать в рассогласовании основных стадий психокультурного развития личности, в нарушении последовательности или в содержательном выпадении из общего процесса социализации мифопоэтической и духовно-этической (религиозной) стадий. Это определяет последующие нарушения на инструментально-сциентистской стадии, проявляющиеся в недостаточном развитии операционной сферы (знания, умения, навыки). Отсутствие духовной опоры отражается на психическом самочувствии современного человека, который переживает чувство нравственного вакуума, беспомощности, пустоты, безответственности, отсутствия моральных целей. С другой стороны, растет авторитаризм, политический экстремизм, этноцентризм, разрушающий духовную и территориальную целостность России.

Помимо решения чисто образовательных и воспитательных задач, современная система образования должна способствовать решению широкого спектра проблем, выходящих за границы традиционно понимаемого образовательного пространства. Эти проблемы можно свести к пяти группам:

³ Согласно данным ВОЗ, около 30 % населения России страдают депрессивными расстройствами различной степени тяжести. Среди школьников от 70% до 90% имеют «невротические реакции».